

7. Зарина В. Путешествие М. П. Черской : [исторический сборник] / В. Зарина. – М. : Географгиз, 1952. – 220 с.
8. Обручев С. В. В неизведанные края : [сборник исторических и научных статей] / С. В. Обручев. – М. : Молодая гвардия, 1953. – 388 с.
9. Ревзин Г. И. Подвиг жизни Ивана Черского : [историческая повесть] / Г. И. Ревзин. – М. : Главсевморпуть, 1952. – 248 с.
10. Смоляников С. Тайна трех капитанов : [исторический сборник] / С. Смоляников, В. Бондик. – К. : СПД, 2007. – 340 с.
11. Смоляников С. Белый орел тундры – имя Черского на карте Заполярья : [исторический сборник] / С. Смоляников, В. Михайлов. – К. : СПД, 2008. – 24 с.
12. Советский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1985. – 1600 с.
13. Такун Ф. И. Славянский базар : [музыкальный сборник-песенник] / Ф. И. Такун. – М. : Современная музыка, 2005. – 320 с.
14. Ушаков Г. А. По нехоженой земле : [научно-исторический сборник] / Г. А. Ушаков. – М. : Молодая гвардия, 1953. – 406 с.
15. Официальный сайт поселка Черский.
16. Широкопад А. Польско-российские войны : [исторический сборник] / А. Широкопад. – Минск : Харвест, 1999. – 380 с.

Аннотация

В статье исследуется деятельность экспедиций Ивана (Яна) Черского на Крайнем Севере Колымского Края и роль его жены Мавры Павловны в освоении Заполярной Якутии.

Ключевые слова: Иван (Ян) Черский, "Поэма о Черском", экспедиция.

Анотація

У статті досліджується діяльність експедицій Івана (Яна) Черського на Крайньому Півдні Колимського Краю та роль його дружини Маври Павлівни в освоєнні Заполярної Якутії.

Ключові слова: Іван (Ян) Черський, "Поєма про Черського", експедиція.

Summary

The activity of expeditions by Ivan (Jan) Cherskiy on the extreme south of the Kolymsk region and the role of his wife Mavra Pavlovna in the development of the Polar Yakutia are considered in the article.

Keywords: Ivan (Jan) Cherskiy, "The poem about Cherskiy", expedition.

МАРИНІСТИЧНИЙ ТЕКСТ У ЛІТЕРАТУРІ

УДК 821.161.1.021(075.8)

Шевченко Л.И.,
доктор филологических наук,
Университет имени Яна Кохановского

ЭПИЧЕСКОЕ И ЛИРИЧЕСКОЕ НАЧАЛА В РАССКАЗЕ ИННЫ ГОФФ "САГА О СТАРОМ КОРАБЛЕ"

По всей вероятности, море и все, что у нас ассоциируется с морской стихией, уже по определению не могут не вызывать чувств как эпического, так и лирического порядка. Отсюда и появление произведений на "морскую" тематику как

большой (романы и повести), так и малой (рассказы, новеллы, эссе и очерки) прозы, тип эстетической завершенности которых представлен чаще всего в синтезе героического (трагического), романтического и элегического модусов, – произведений, органически сочетающих в себе эпическое и лирическое начала. Не является здесь исключением и рассказ Инны Гофф “Сага о старом корабле”, уже своим названием отсылающий к традиции написания безымянными авторами (филидами) эпических произведений о подвигах, военных походах, морских путешествиях и т.п. Как известно, распространенные в Ирландии и Исландии в VIII–XIII веках саги (сказания), нередко напоминающие по стилю рыцарские романы, оказали немалое влияние на творчество Дж. Макферсона, Г. Ибсена, Дж. Голсуорси, а также в какой-то мере и на творчество русских писателей (И. Гончаров “Фрегат “Паллада”). И именно как сагу о кораблях и им преданных капитанах, как сагу о старых друзьях и о дружбе выстраивает повествование в своем рассказе И. Гофф.

Рассказ написан от первого лица и изобилует лирическими интонациями, при этом имя повествовательницы, за которой просматривается автор, не называется. Главный герой обозначен как “наш капитан” и лишь однажды его жена называет его Толя, а попугай Парра обращается к нему придуманным именем Рира. Теплоходу, на котором он плавает, дано условное название – в тексте отмечается: “назовем его здесь “Иверия”” [4, 70]. Все другие герои рассказа – фигурирующие в “реальном” плане повествования жена капитана Валерия и его друг Надари, буфетчица старой “Иверии” Александра Алексеевна и “Иверии” новой Наташа, жена президента фирмы, построившей новый корабль, Кристина, а также помещенные в план рефлексий-ассоциаций повествовательницы капитан-датчанин Курт Карлсен, его жена Агнес и его помощник на буксире Данси персонифицированы и названы. Настоящие названия носят в рассказе и все другие упоминаемые в нем суда. При этом все, представляемое в “реальном” и связанном в самой действительности с повествовательницей и “ее капитаном” плане, с их дружбой и с теплоходом “Иверия”, – укрупняется и эпизируется, обретая особую важность не только лишь для нее, но для всех. В свою очередь, все, что известно из “книг”, из истории мореплавания и с ней связанных баек, легенд, т.е. все, что пришло к повествовательнице “из вторых рук” уже до нее как бы романтизированным и укрупненным, – наоборот, конкретизируется и, обрастая подробностями часто личного содержания, “приближается” и “присваивается” воспринимающим текст читателем как даваемое уже по его “человеческой мерке”, не подавляющее (как ее нарушающее возвышенное) и – “свое”.

Повествовательница размышляет о дружбе, связывающей ее с капитаном “Иверии” более полутора десятка лет, и о дружбе вообще, об уходе всех наших друзей и самих нас когда-нибудь в мир иной и о бренности бытия, о глубинах той памяти, что хранит отошедших от нас, и о вечности. Сами же эти размышления ассоциативно связаны с морем и мореплаванием и представляют собой как бы реализацию таких метафор, как “море памяти”, “море жизни”, “путь по волнам

времени” и “человек-корабль”. Не случайно уже в самом начале рассказа и в его завершении мы читаем почти дословно повторяющиеся фразы: *“Память как море. И у памяти есть свои затопленные материки и архипелаги, и на дне ее без числа судов <...>”* [4, 71, 80]. Не случайно и то, что даже спустя много лет стоящие в Севастополе “как восклицательные знаки” памятники адмиралам и сама Севастопольская панорама, находящаяся рядом с четвертым бастионом, где сражался будущий автор “Войны и мира”, вызывают в ее памяти и в памяти ее друзей-сверстников (в том числе и капитана “Иверии”), которым пришлось пережить испытания Второй мировой войны, воспоминания о молодости и о погибших друзьях.

Камертоном к воспоминаниям-размышлениям повествовательницы служат упоминаемые в самом начале повествования три мерных удара колокола, раздававшиеся в Лондоне в 1951 г. в страховой компании Ллойда, которые перекликаются в сознании читателя с риторическим хемингуэвским вопросом “По ком звонит колокол?”, на который наталкивают и неоднократные упоминания в тексте имени этого прозаика. В тот отмеченный невиданными в северо-восточной Атлантике штормами год отовсюду поступали вести о катастрофах, и глашатай в красной мантии ими возвещал об очередной жертве. Этот колокол был *“снят с французского фрегата “Лютин”, не сдавшегося англичанам и затонувшего по воле команды с грузом золота. Тем не менее он звонит в Лондоне (не в Париже!), оплакивая погибшее судно, под каким бы флагом оно ни плавало. С третьим его ударом имя корабля заносится в скорбную книгу с рубриками: “Сгоревшие”, “Разбившиеся”, “Затонувшие”, “Погибшие при столкновении”* [4, 70]. Вместе с тем, как отмечает повествовательница, *“колокол не звонит по тем, кто, пройдя весь доблестный путь, по старости лет должен стать грудой железного лома. На таком корабле приспускают флаг, и, проданный “на гвозди”, он следует к лобному месту на буксире или же своим ходом. Именно так шла умирать “Иверия” <...>. Капитан отказался идти в этот рейс. Он слишком любил свой корабль”* [4, 71]. С этими словами в произведение входит тема дружбы капитана “Иверии” с его кораблем и тема дружбы повествовательницы с ними обоими, с которыми у нее *“связана целая полоса жизни, ставшей воспоминанием”* [4, 71].

Рассказывая о капитане “Иверии”, повествовательница главный акцент делает на том, что он беспредельно любил свой корабль и своих друзей. *“У него было много друзей. Самое слово – Друг – он возвел на неимоверно высокий пьедестал, словно следовал завету Пушкина: “где просторен круг гостей, а кружок бутылок тесен”. И когда он пировал с друзьями, тосты были так возвышенны и прекрасны, что мы пьянели, казалось, не от вина, а от самих этих тостов”* [4, 72]. Повествовательница отмечает, что на корабле в его кабинете был *“отросток цветка из дома Хемингуэя на Кубе и высохшая пальмовая ветка – тоже оттуда. <...> Над письменным столом фотография капитана, плававшего на корабле до него, – красивый грузин с печальным <...> взглядом светлых глаз. Он был болен неизлечимо, и всем было ясно, что на*

корабль он уже не вернется. Наш друг был назначен вместо него капитаном и оттягивал день, когда его утвердят в этой должности окончательно. "Пока человек жив, у него нельзя отнимать надежду", – говорил он, следуя кодексу чести" [4, 72]. И, вероятно, с ним знакомит капитан спустя много лет повествовательницу, представляя ей в Батуми Нодари – седого голубоглазого кавказца, называющего его "братом" и неединожды предлагающего в совместном застолье тост за "Иверию".

Повествовательница рассказывает, что в дальнем плаванье, когда капитану делалось одиноко, "он затевал перекличку с друзьями – в эфир летели радиogramмы. <...> И начинал ждать ответа. Необходимо было увериться: друзья теплохода "Иверия" и его действительно существуют". Ждал он и встреч с ней и с ее мужем: "то был не мираж – встречи в зимней Москве, куда он приезжал однажды в году, и встречи в весенней Ялте. Дни, когда было сказано много мудрых и нежных слов, потому что каждый для другого много значил. Всех объединяло чувство глубокой истинной связи" [4, 72]. В каждую из встреч капитан звал повествовательницу и ее мужа с собой в очередное плаванье, но не всегда получалось. "Герцен, – замечает она, – в "Письмах из далека" пишет: "Мы испытываем отлив людей... – так, как испытали его прилив <...>". То была пора прилива. Потом эта пора ушла, как ушла навсегда наша старая "Иверия" [4, 73]. Минуло немало лет. "Дома, – продолжает она, – у нашего друга, в Одессе, висят фотографии кораблей, на которых он плавал. Как фотографии родственников в иных домах. Сухогруз "Физик Вавилов". <...> Старая "Иверия". (Это Гавана. Ветка пальмы – память о Хемингуэе. Рауль Кастро ... Это Ялта весной, и мы все – на освещенной солнечной палубе" [4, 79]. Капитан по-прежнему ходит в плаванье, но уже на новой "Иверии", и у него на плече теперь сидит попугай Парра. И повествовательница замечает: "Возможно, Парра заменил капитану одного из его друзей. С Паррой было легче в дальних рейсах. Не будем самонадеянны. Как знать – не заменит ли кто-то в будущем нас?.. Наделенный талантом дружбы, наш капитан отдавал всю душу многим. Но самая широкая душа не безразмерна. Отдавал он часто больше, чем получал. Иногда не тем, кому следовало. Не все выдержали проверку временем и расстоянием. Он счищал их, сдирал безжалостно, как ракушку. Это было необходимо, чтобы сохранить стойчивость и надежность. И тут он был резок и тверд, как на мостике. Но он всегда помнил тех, кто ушел не из дружбы – из жизни <...>" [4, 80].

Внешним импульсом к разворачиванию лирических воспоминаний и размышлений повествовательницы в ее рассказе о капитане "Иверии" служит выпущенная в Гидрометеиздате и некогда прочитанная ею документальная повесть Томаса Уайтсайда "В одиночестве через темное море". Причем указание на то, что эта "тоненькая книжица" "видимо, залежалась на книжных полках или же складах, потому что была уценена: вместо двадцати пяти копеек стоила двадцать" [4, 70] явно намекает как на произошедшую в обществе к тому времени девальвацию героического, обусловившую падение интереса к литературе с

подобним пафосом, так и на желание повествовательницы этот интерес пробудить, “заразив” чисто личными воспоминаниями и размышлениями, переходящими в рассуждения общего плана. В книге Т. Уайтсайда речь шла о грузовом пароходе “Флайинг Энтерпрайз”, потерпевшем аварию по пути из Гамбурга в Нью-Йорк в декабре 1951 г. Его капитан “датчанин Карлсен снискал себе мировую славу тем, что не покинул свой тонущий корабль, приказав пассажирам и экипажу оставить судно. <...> В полном одиночестве, без света и отопления Курт Карлсен ждал прихода буксира, полагая, что судно можно еще спасти. Он жил в странном, “перевернутом кверху ногами мире” и “не покинул корабль даже тогда, когда тот был взят на буксир. Все это длилось тринадцать дней” [4, 71]. И лишь когда корабль окончательно “лег на бок, как это делает умирающий слон”, Карлсен сдался и покинул его. “Через восемнадцать минут “Флайинг Энтерпрайс” полностью погрузился в воду <...>” [4, 71], – сообщает повествовательница, цитируя книгу Т. Уайтсайда. Перечитывая ее вновь и вновь, она размышляет о том, что современники Карлсена “в его поведении искали скрытую подоплеку. Чего он добивается, этот упрямый малый? Для чего рискует жизнью? Для славы или ради корысти?.. И никому не пришло в голову, что он делает это из любви к своему кораблю” [4, 71]. Точно также любил свой корабль и ее капитан.

В рассказе И. Гофф, как и в любом произведении, содержащем лирическое начало, не само чтение повествовательницей книги Т. Уайтсайда, “не внешний повод и его реальность создает собственно лирическое единство, а субъективное внутреннее движение души и способ восприятия предмета” [3, 500]. Книга Т. Уайтсайда о Курте Карлсене произвела на нее огромное впечатление потому, что к тому времени она и ее муж “уже года три, если не больше были дружны с теплоходом <...> “Иверия” и его капитаном”. Читая о грузовом пароходе “Флайинг Энтерпрайз”, она все время думала не только об этом датчанине, но и о своем приятеле, “и невольно сравнивала их” [4, 70]. Это выстраиваемое в ее сознании сравнение/параллель определяют ее восприятие / оценку всего, связанного с капитаном “Иверии”, и в момент чтения книги, и спустя много лет. Поэтому ее встречи с ним в Ялте, в Сочи, в Москве, в Севастополе, а затем через семь лет в Батуми предстают как единое целое. Они соединяются с постоянно овладевающими ею мыслями о других капитанах и их кораблях, в том числе таких, как “Титаник”, “Нормандия”, “Куин Мэри”, “Юнайтед Стейтс”, “Стокгольм”, “Андреа Дориа”, “Иль-де-Франс”, “Кейп Энн”, “Уильям Томас”, “Эвергрин”, “Фелькер”, буксир “Шторм” и др., с размышлениями, которые по своей сути являются размышлениями о человеческом достоинстве, о чувстве долга, о дружбе и о судьбе. Таким образом, в представляемом И. Гофф рассказе повествовательницы именно ее “чувство и рефлексия вовлекают *внутри* себя наличный мир, переживают его в своей внутренней стихии и уже только после того, как этот мир стал чем-то внутренним, выражают его, находя для него слова” [3, 514].

Упоминание в самом начале рассказа повествовательницы о книге Т. Уайтсайда и о Курте Карлсене корреспондирует с помещенным уже в его конце упоминанием о книге С. Белкина “Голубая лента Атлантики”, название которой одновременно является названием приза, “за который борются самые быстроходные и самые крупные суда” [4, 74] и на который не претендовала ее любимая “Иверия”, для которой главным была надежность. Эту книгу повествовательница также читала давно и лишь спустя много лет, глядя в батумском порту на опоясывающую красно-синим кантом, “словно орденской лентой”, кремовую трубу немецкого судна “Фелькерфрейндшафт” и слыша, что это бывший “Стокгольм”, она вспоминает, откуда ей было известно о нем, и, вернувшись домой, снова перечитывает ее. В книге С. Белкина рассказывается о том, как когда-то “Стокгольм”, на борту которого находились 1000 пассажиров и 500 членов экипажа, идя в густом тумане на полной скорости, врезался в борт “Андреа Дориа”, “пропоров его по высоте семи палуб”. *“В эфир полетели сигналы бедствия. Их приняли рации береговой службы и всех судов, оказавшихся поблизости. Сохранилась запись взволнованной разноголосицы той ночи в Атлантике”* [4, 76]. Именно ее и приводит дословно по книге С. Белкина повествовательница, завершая цитирование и рассказ о случившемся упоминанием о спасении всех пассажиров и радиограммой с военного корабля “Уильям Томас”: *“Связь с “Андреа Дориан” прекращена ... Крен увеличивается. Держаться на воде судно больше не может ... Капитан и 11 матросов находятся на борту. Пассажиров нет”* [4, 76]. Тем же утром “Андреа Дориа”, не оставленный экипажем до самых последних минут, затонул и до сих пор лежит на дне моря. Искалеченный же “Стокгольм” в сопровождении конвоиров пришел в Нью-Йорк, после ремонта был продан ГДР и переименован.

Включенные в повествование рассказы о гибели кораблей “Флайинг Энтерпрайз” и “Андреа Дориа” и о героическом поведении их капитанов, как и упоминания о других кораблях и их судьбах, способствуют эпизации повествования, расширяют его как пространственные, так и временные границы. Воспроизводя эпизоды истории мореплавания с привлечением “точных” источников, они отражают их в их реальной последовательности и как события, неподвластные ни повествовательнице, ни стоящему за ней автору. Трагико-героические по своей сути и своему звучанию, они вызывают в памяти у читателя упоминаемые в начале произведения удары колокола в страховой компании Ллойда в Лондоне, сопровождающие запись названий погибших судов в особую скорбную книгу. Имя старой “Иверии”, как уже отмечалось, в нее не занесено: она шла в свой последний свой путь *“по старости лет”*, и *“шла такая беленькая, нарядная ... как под венец!”* [4, 78] – так сказал о ней, *“навсегда ушедшей в Италию, чтобы там стать металлическим ломом”*, ее капитан. На протяжении всего рассказа сопровождаемая эпитетами, обычно употребляющимися применительно к человеку, “очеловеченная” в восприятии капитана и повествовательницы, настоящий “корабль-друг”, “Иверия” пережила многое из того,

что пришлось пережить и самим им, и их поколению. Приводя ее “послужной список”, повествовательница отмечает, что свой первый рейс “Иверия”, построенная в Ньюкастле-на-Тайне в Великобритании “для замены старых грузо-пассажирских судов, ходивших в Южную Америку из Европы”, совершила под именем “Собеский” из Гдыни в Дакар. В начале Второй мировой войны корабль “был переоборудован <...> в военный транспорт. Так началась его военная служба. В сороковом году он принимал участие в норвежской кампании, в том числе эвакуируя из Нарвика часть солдат польской Подгальской бригады и перевозя их во Францию” [4, 73]. Корабль, продолжает цитировать повествовательница, “<...> участвовал в эвакуации английских и польских войск, а также беженцев из капитулировавшей Франции. (Не на нем ли, подумалось мне, – отмечает она, – плыл в Америку Экзюпери, описавший беженцев, покидавших отечество, в своем трагическом “Письме к заложнику”). Перевозил английских детей в Канаду. Участвовал в эвакуации английского золота из Великобритании. Был флагманским судном десанта на Мадагаскар – май сорок второго года. Принимал участие в десанте в Северной Африке – ноябрь сорок второго года, а затем в высадке в Сицилию – июль сорок третьего, и под Салерно – сентябрь сорок третьего, где с трудом избежал гибели <...>. В течение Второй мировой войны не пропустил ни одной серьезной десантной операции, устанавливая своего рода рекорд работоспособности и счастья. После войны теплоход “Собеский” был вновь переоборудован в пассажирское судно. Он работал на линии Неаполь–Генуя–Галифакс–Нью-Йорк. <...> После ликвидации линии “Собеский” был продан. Его приобрел в марте пятидесятого года Советский Союз ... Они оба были ветераны большой войны, корабль и его капитан. И они доверяли друг другу” [4, 74]. В 70-е старую “Иверию” заменил новый, более современный корабль с тем же названием, но в сердце капитана, в сердце повествовательницы она жива. Не случайно рефреном в рассказе не один раз звучат слова “Ах “Иверия”! Нет и не будет тебе подобных!..” [4, 71, 75]. И не случайно все повествование завершается упоминанием о том, что даже спустя много лет старая “Иверия” проходит перед повествовательницей “белым видением”. “Весенняя Ялта в цветении и белый корабль. Ему без конца бороздить море нашей памяти. <...> Для нас он воистину непотопляем” [4, 79]. Ведь он – символ дружбы и символ надежности, которые в жизненном море спасительны и важны.

Рассказу И. Гофф присуща ярко выраженная субъектная архитектура и слабая расчлененность автора (вставляющего в скобках в цитируемый повествовательницей источник свои помеченные инициалами И.Г. замечания) и повествовательницы (также писательницы, нередко летом работающей в ялтинском Доме творчества). Его текст, представляющий размышления / рассуждения повествовательницы, написан так называемым “простым” словом. С ним корреспондируют вставки-цитаты из написанной на документальной основе и являющей историю Курта Карлсена и его затонувшего грузового парохода в логике

понятий книги Т. Уайдсайда “В одиночестве через темное море” и вставные фрагменты из книги С. Белкина “Голубая лента Атлантики”, также написанной словом “простым” и имеющим прямое значение. А, как известно, “простое слово <...> выходит за границы какого-либо определенного стиля, уже не является “стилем”, но именно противостоит ярко выраженному стилю как простой язык самой реальности” [1, 28]. Как отмечает С.Н. Бройтман, “простое” слово свободно от предписанного стилового ореола (который рождается в нем каждый раз заново из *контекста*) и имеет не переносное, а прямое значение, претендуя на то, чтобы быть воспринятым как некая безусловная реальность. Этим “простое” слово переключается с мифологическим <...>” [2, 111]. Поэтому не случайно И. Гофф использует именно его, чтобы эпизировать рассказ об “Иверии” и ее капитане и выстроить в произведении как бы свой миф и о них, и о Курте Карлсене, и о капитанах других, создать сагу о кораблях и им преданных капитанах и сагу о дружбе и верных друзьях.

Литература

1. Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина / С. Г. Бочаров. – М. : Наука, 1974.
2. Бройтман С. Н. Лирика / С. Н. Бройтман // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий. – М. : Изд-во Кулагиной ; Intarda, 2008. – 358 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Эстетика : в 4-х т. / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Наука, 1971. – Т. 3. – 671 с.
4. Гофф И. Сага о старом корабле / И. Гофф // Юность. – 1983. – № 7. – С. 70–80.

Аннотация

Изображение событий в произведении И. Гофф “Сага о старом корабле” дается от имени условного повествователя. В своих размышлениях о смысле жизни, о судьбе человека, о дружбе он сравнивает своего приятеля, капитана “Иверии”, с легендарным датчанином Куртом Карлсеном, капитаном грузового парохода “Флайинг Энтерпрайз”, и с известными из истории мореплавания XX века личностями. Это становится основанием для соединения в рассказе лирики с эпикой.

Ключевые слова: история мореплавания, “простое” слово, лирика, эпика, мифологизация.

Анотація

Зображення подій у творі І. Гофф “Сага про старий корабель” подається від імені умовного оповідача. У своїх роздумах про сенс буття, людську долю і дружбу він порівнює свого приятеля, капітана “Іверії”, з легендарним датчанином Куртом Карлсеном, капітаном вантажного пароплаву “Флайінг Ентерпрайз”, та з відомими із історії мореплавства XX ст. особистостями. Саме це і стає підґрунтям для поєднання у оповіданні лірики з епікою.

Ключові слова: історія мореплавства, “звичайне” слово, лірика, епіка, мифологізація.

Summary

In I. Goff's story “The Saga about an Old Ship” events are presented by a provisional narrator. In his thoughts about the meaning of life, human destiny, friendship he compares his friend, the captain of “Iberia”, with the legendary Dutchman Curt Carlssen, the captain of “Flying Enterprise” and with renowned personalities in the history of the maritime navigation of the 20-th century. This becomes the basis for joining the lyrics with the epics in the narration.

Keywords: history of maritime navigation, a “simple” word, lyrics, epics, mythologizing.